

УДК 93/99: 338

© М. А. Немчинова, Л. Н. Булдыгерова, 2012

КОНЦЕССИИ КАК ФОРМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА (ИЗ ОПЫТА КОНЦЕССИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА РУССКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 20–е ГОДЫ XX ВЕКА)

Немчинова М. А. – канд. экон. наук, доц. завкафедрой «Финансы и кредит», тел: (4212) 40–71–33 (ДВГУПС); *Булдыгерова Л. Н.* – канд. ист. наук, доц. кафедры «История Отечества, государства и права», тел: (4212) 22–43–95 (ТОГУ)

В статье рассматривается исторический опыт привлечения иностранного капитала в форме концессий. Предпринята попытка дать объективную картину концессионной политики и практики советского государства на примере предприятий Дальнего Востока, показать причины свертывания этой политики, которые носили политический характер, а не экономический.

The paper examines some historical experience of attracting foreign capital in the form of concession. An attempt has been made to draw some objective description of the Soviet Government policy. On the example of Far Eastern businesses; to reveal the reasons for curtailing the policy that would be rather political than economic.

Ключевые слова: концессия, иностранный капитал, аренда, договор, промышленность, экономика, предприятие, прибыль.

Одной из форм привлечения в экономику иностранного капитала является концессия. Как правило, эта политика используется развивающимися странами, не имеющими достаточных капиталов для разработки своих природных ресурсов. В мире накоплен достаточно большой опыт концессионной политики. В отечественной историографии имеется ряд работ исследующих концессионную политику и практику советского государства [1].

Опыт предоставления концессий иностранным предпринимателям, показывает, что с их помощью в модернизации промышленности могут быть использованы новые высокоэффективные технологии, применяемые иностранными компаниями. Будет обеспечена подготовка высококвалифицированных специалистов. Может быть дан импульс развитию науки и технике. Следует подчеркнуть, что концессии можно использовать не только в добывающих

отраслях, как считают некоторые авторы, но и в производящих. В СССР концессии использовались в добыче нефти, угля, леса, в производстве машин, приборов, текстиля, на транспорте т.п.

В 1922 – 1927 гг. в страну поступило более двух тыс. концессионных предложений. Из них было реализовано почти 10%. [2]. Наибольшее число концессионных предложений от иностранного капитала поступало в Московский регион. Только за 1922–1923 гг. от США, Германии, Франции и др. стран последовало 579 таких предложений [3]. Не все предложения принимались правительством. Концессии имели место в Ростове–на–Дону, Донбассе и других районах страны. Концессии нашли достаточно широкое применение на Дальнем Востоке СССР. Это объяснялось как заинтересованностью иностранного капитала в разработке природных богатств региона, так и уже существовавшей практикой. В начале XX века многие американские и английские предприниматели получили право вести разработку рудных и золотых месторождений, японские – получили концессии преимущественно в лесной и рыбной промышленности.

Из–за удаленности этой части страны от европейской России экономическое хозяйствование в начале XX века носило полуколониальный характер. В периодических изданиях России часто печатались сообщения о хищничестве русских и иностранных капиталистов при разработке природных богатств Дальнего Востока. В результате многие промыслы приходили в упадок. Так, в 1913 г. в Амурской области осталось не больше трех предприятий, оборудованных механическими приспособлениями для добычи золота. Промышленность перестала существовать и перешла в отрасль кустарной добычи золота, разрабатываемой в основном китайцами [4].

После Октябрьской революции Дальний Восток стал одним из первых регионов страны, привлекая внимание советского правительства в качестве объекта концессионной политики. С ней связывалась надежда на решение проблем, как экономического характера, так и внешнеполитического. Советское правительство рассматривало концессии как источник средств, необходимых для восстановления и развития промышленности, привлечения передовой технологии, модернизации старых и организации новых производств. В международных отношениях преследовалась цель – использовать международные противоречия, помешать созданию единого антисоветского фронта.

В декабре 1917 г. советское правительство предложило Японии установить взаимовыгодное сотрудничество, выразив согласие допустить японских предпринимателей к деятельности в России под контролем Советской власти. В мае 1918 г. указывалось на готовность предоставить США концессии на Командорские котиковые промыслы и лесные богатства Камчатки [5].

23 ноября 1920 г. был издан декрет СНК РСФСР "Общие экономические и юридические условия концессий". Эти условия предусматривали вознаграждение концессионера долей произведенного им продукта с правом выво-

за за границу; льготы и преимущества для концессионеров, использующих новейшие достижения науки и техники при организации производств; льготы для ввоза предметов механического оборудования приисков, рудников; установление твердых норм государственных и прочих налоговых платежей; понижение пошлин для иностранных товаров; сроки концессионных соглашений, позволяющие возместить затраченный концессионером капитал; гарантии имущества концессионеров от какого-либо отчуждения государством; право найма советских рабочих и служащих; недопустимость одностороннего изменения правительством условия концессионного договора [6]. Однако предпринимателей отпугивали чрезмерные налоги и пошлины, разоренная войной экономика, деятельность ЧК, самоуправство чиновников. Только после введения нэпа и установления рыночных отношений были созданы предпосылки, сделавшие возможным участие иностранных предпринимателей в хозяйственной деятельности в СССР.

Заметное оживление иностранных предпринимателей, желавших вложить свои капиталы в экономику Дальнего Востока, наблюдалось во время существования Дальневосточной республики (ДВР). После вывода американских войск с территории Дальнего Востока была создана "Дальневосточная разведывательная компания" с участием представителей известных американских фирм. В 1920 г. американский гражданин Д. Винт создает "Англо-Американскую компанию Д. Винт" и в мае 1921 г. подписывает концессионный договор с правительством ДВР на аренду ряда золотодобывающих приисков Амурской области на 16 лет [7].

После присоединения ДВР к России был продолжен курс на привлечение в экономику частного отечественного и иностранного капитала. В 1924 г. принимается Закон СНК "О мерах к подъему государственной и частной золотопромышленности", который давал большие льготы частной промышленности. При СНК СССР был создан Главный Концессионный комитет, а в крае Дальневосточная концессионная комиссия (ДВКК) под председательством Я. Гамарника, которая вела переговоры о заключении концессий от лица правительства. В 1923-1924 гг. было подано около 100 заявок на концессии. В том числе английская компания "Аянская корпорация" подала в начале 1923 г. заявление на заключение концессионного договора на золотоносные площади. Шанхайский Нефтяной Синдикат возбудил вопрос о восстановлении прав Синдиката на нефтяные концессии на Сахалине. Германская фирма Вейль и Рейнгард желала организовать Смешанное Акционерное общество по эксплуатации вольфрамовых руд и многие другие предложения.

Однако заключено было менее десятка концессионных договоров. Это объясняется крайней осторожностью ДВКК, опасавшейся грюндерских, спекулятивных стремлений претендентов; наличием препятствий политического характера, когда, несмотря на экономическую солидность заявителя, он получал отказ из-за опасений идеологического и внешнеполитического харак-

тера. Так, японская фирма "Риукичи Сигиура" обратилась с просьбой предоставить сельскохозяйственную концессию на Камчатке для организации образцовых сельскохозяйственных задач, устройство шоссейных дорог, больниц, в т.ч. ветеринарных и тому подобное. ДВКК отклонила предложение фирмы, усматривая в нем стремление японцев, закрепиться на полуострове [8]. По той же причине была потеряна возможность предоставить на выгодных условиях лесные концессии японским лесопромышленникам, проявлявшим к ним интерес. В результате японцы стали получать приморский лес через подставных лиц и прекратили переговоры о долгосрочных концессиях.

Предложения на заключения концессий поступали главным образом от бывших владельцев и их служащих или искателей богатств, не имевших капиталов. В результате многие концессии оказались не работающими. Крупные иностранные фирмы с одной стороны не имели информации о возможностях вложения капиталов в советскую экономику, с другой, опасались за сохранность своих капиталов в СССР.

Зачастую концессионеры отказывались выполнять условия договора и платить за концессию. В 1923 г. СНК СССР заключило договор с норвежским гражданином Х. Христенсеном–младшим, предоставив ему право на добычу китов и их переработку. За предоставленную концессию правительство должно было получать от концессионера до 5% суммы всей стоимости продукции промысла, т.е. не менее 2 тыс. фунтов стерлингов в сезон. После заключения договора Христенсен передал свое право китобойной фирме "Вега", которая за 1923-1926 гг. добыла продукции на 70 тыс. фунтов стерлингов, но не внесла, никакой платы за договор и СНК вынужден был его расторгнуть [9]. Лишь единичные договоры оказались долгосрочными и выгодными как государству, так и предпринимателю. В 1924 г. был подписан договор с Торговым Домом "Бринер и К⁰" о праве на поиски, разработку и переработку серебро-цинковых, медных и других рудных месторождений в Ольгинском районе Приморского края. Месторождение Тетюхе с 1911 по 1919 гг. эксплуатировалось этой фирмой, но в годы гражданской войны находилось на консервации. На базе Торгового Дома была создана английская акционерная горно-промышленная корпорация "Тетюхе". Корпорация к 1927 г. восстановила предприятие, узкоколейку, телефонную линию и электросеть, жилье, здания, наладила выпуск продукции, из которой 50% получало советское правительство. К 1930 г. был построен медеплавильный завод, пущена вторая очередь обогатительной фабрики [10].

В 1925 г. через Токийскую Концессионную Комиссию был заключен ряд концессионных договоров с японскими предпринимателями. Условия угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине были определены в протоколе "Б" "Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией", принятой на Пекинской конференции 20 января 1925 г. [11]. Правительство СССР согласилось предоставить японским концернам, реко-

мендованным правительством Японии, концессии на эксплуатацию 50% площадей каждого нефтяного и угольного месторождений на Северном Сахалине. В случае обнаружения новых месторождений нефти 50% территории определялись в концессию, а остальная площадь переходила государству. В качестве платы за предоставленную концессию назначались долевые отчисления в 5-8% валовой добычи угля и 5-15% валовой добычи нефти, в случае фонтанирования нефти плата увеличивалась до 45%.

Срок концессионной аренды определяли в 45 лет со сроком окончания в 1970 г. Для организации производства были построены вышки, скважины, резервуары для хранения нефти, 2 электростанции, железная дорога и другие производственные и хозяйственные постройки. В том числе жилые дома, детский сад, столовая, клуб. Концессионные предприятия оказывали значительную помощь в организации производства и налаживания хозяйственно - бытовой сферы для вновь созданного советского треста "Сахалиннефть". Советские специалисты широко использовали опыт концессионеров.

Вместе с тем доходы государства значительно отставали от роста и расширения деятельности концессионных предприятий. Например, от фирмы "Кита Карафутто Секию", получившей концессию на добычу нефти в 1926/27 г. получено 21,1 тыс. долл. в 1927/28 г. – 42,4 тыс. долл. [12]. Это объясняется тем, что в договоре были установлены незначительные платежи.

В первой половине 20-х годов чиновники ДВКК были профессионально слабо подготовленными, плохо знакомы с природными ресурсами Дальневосточного края. Концессионные договоры, составляемые ими, носили дилетантский характер, претенденты на концессию серьезной проверке не подвергались. Так, финский предприниматель Койвисто, не имея собственного капитала, заключил договор на концессию и взял кредит в Николаевском отделении Госбанка, но не смог наладить работу рудника. Концессионный договор с ним был расторгнут, имущество распродано, доход от его продажи пошел на покрытие всего 40% расходов по зарплате рабочих. Государство вместо дохода получило убытки [13].

К 1927 г. ДВКК были разработаны типовые договоры заключения концессии, рассчитанные на развитие необходимых для экономики Дальнего Востока направлений. СНК СССР в мае 1926 г. принял постановление "О льготных условиях допущения иностранного капитала к строительству на территории СССР". Инвесторам предлагали долгосрочные права (на 60 лет) на строительство доходных домов, свободное распоряжение построенными жилищными площадями и ставками на квартплату. Застройщик освобождался от всех налогов и сборов в течение первых трех лет и со снижением в 5% на все остальное время застройки [14]. Были разработаны типовые договоры на заключение концессий в области обрабатывающей промышленности, эксплуатации лесных богатств и др. ДВКК был составлен баланс концессионного предприятия. В проекте выделялась важнейшая особенность такого предпри-

ятия — его имущество (его актив) делился на две резко отличные между собой части: а) имущество, составляющее собственность концессионера и б) имущество, не составляющее его собственность, не могущее быть обеспечением его долгов и подлежащее по окончании договора к безвозмездной передаче правительству. Плата за средства, полученные в порядке займа, не могли считаться издержками концессионного предприятия. Баланс определял виды капиталов, накопленных концессионным предприятием, порядок обращения и накопления капиталов и порядок исчисления средств за концессию.

ДВКК усилила контроль за деятельностью концессий. Например, японская фирма "Иотаро Танако" в 1927 г. заключила договор на концессию по разведке и разработке золотосодержащих месторождений в Охотском районе, но так и не приступила к работе, поэтому договор был расторгнут. Золото-промышленное предприятие "Винт" оказалось чрезвычайно мелким, работающим на одну пятифунтовую драгу и фактически существовало на средства "Союззолота", которое кредитовало фирму. В 1929 г. предприятие было ликвидировано [15].

В середине 20-х годов число предложений постоянно падало. В целом по СССР в 1925/26 г. была подана 461 заявка на концессию, но заключено всего 26 договоров, в 1926/27 г. - соответственно 231 и 8, 1927/28 г. - 152 и 4. На 1 октября 1927 г. числилось 68 концессий, из них работало только 55. На Дальнем Востоке наблюдалась та же картина: в 1927/28 г. 16 заявок, в 1928/29 г. — 13, работало 11 концессионных предприятий [16]. Причины уменьшения количества заявок на концессии были как внешнеполитические: непризнание СССР США и запрещение выпуска советских ценных бумаг на биржах США, враждебная политика Англии, нерегулярность экономических связей с Францией, обострение взаимоотношений с Германией из-за Шахтинского процесса, когда многие фирмы отказались от сделанных предложений, так и недостаточно гибкая политика советских чиновников по отношению к концессионерам.

Главными, на наш взгляд, были внутрисполитические и идеологические причины. К концу 20-х годов партией и правительством СССР был взят курс на развертывание государственных и ликвидацию капиталистических форм во всех отраслях хозяйствования, в том числе и концессий. Очень многие предложения по концессиям отклонялись, советская сторона постоянно настаивала на переходе концессионных предприятий на внутреннее сырье и одновременно тормозила снабжение их этим сырьем, что вело к перерывам в работе фабрик. Широко применялись административные меры для устранения конкуренции концессионных предприятий на внутреннем рынке сбыта. Издавались циркуляры, запрещающие кооперативам и государственным предприятиям покупать продукции концессионных предприятий; было много препятствий в переводе валюты за границу. Права служащих концессионных предприятий были тяжелыми: их лишали избирательных прав, исключали из

партии, арестовывали. Развитию концессионной политике мешали волокита и бюрократизм в государственных учреждениях. Табачная фабрика английского акционерного общества "Лопато и сыновья" в Чите была поставлена на грань банкротства из-за того, что таможня задним числом повысила в 10 раз пошлины на сырье, которое было переработано и товар продан по старой цене [17].

Очень сложными были отношения концессионеров с профсоюзами. Профсоюзы вели антиконцессионную работу среди населения, используя средства печати, рекламы. В январе 1928 г. ВЦСПС направил циркуляр всем республиканским, областным, краевым и районным союзам о предупреждении появления представителей концессионного предприятия «Б. Альтман», которые будут предлагать изделия своей фирмы. В распоряжении предлагалось удержать население от их покупки. На общих собраниях советских предприятий профсоюзные и партийные организации предлагали пользоваться товарами исключительно государственных фабрик [18]. Представитель английской фирмы "Вейль и Рейнгард" получившей концессию на разработку вольфрама в Забайкалье жаловался на высокие ставки социального страхования, зарплаты, равной 50% стоимости производства [19].

К концу 20-х годов советское государство сворачивает концессии и отказывается от концессионной политики. Исключение составляли японские концессии на Сахалине. Они просуществовали до 1944 г.

Исторический опыт концессионной политики в Советской России показывает, что концессии выступали основной формой привлечения иностранного капитала в экономику страны. Не все резервы этой политики были раскрыты, было допущено много ошибок, но с их учетом можно рекомендовать её использование в современных условиях.

Библиографические ссылки

1. См. Новиков М.Н. Из истории концессионных предприятий Москвы в период НЭПа / М.Н. Новиков. – М., 1997; Кривуля М.А. Концессии как форма привлечения иностранного капитала в отечественную нефтяную промышленность в период НЭП / М.А. Кривуля. – М., 2004; Марьясова Н. Как мы пытались их перехитрить. О концессионной политике Советов на Дальнем Востоке // Дальневосточный ученый. 1993. № 42 и др
2. Механик А. Новые формы доброго соседства // Эксперт. – 2000. – № 39. 3. Самарина Н., Карпов С. Технологии рынка: Концессии в процессе // Ведомости. – 2006. – № 47.
3. *Иностранные* концессии в СССР. Документы в двух частях. Ч. II / Сост. С.С. Хромов. – М., 2006. – С. 16.
4. *История* Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII - февраль 1917 г.) / Под ред. А.И. Крушанова. – М., – 1990. – С.328-329.
5. *Государственный* архив Хабаровского Края (см. дальше ГАХК). Ф668. Оп.1.

Д.1.С.214.

6. *Марьясова Н.* Как мы пытались их перехитрить. О концессионной политики Советов на Дальнем Востоке // Дальневосточный ученый. 1993. № 42. С.5.

7. *ГАХК.* Ф.668. Оп.1. Д. 13. С. 196.

8. *ГАХК.* Ф.668. Оп.1. Д.13.С.15.

9. *Мандрик А.Т.* История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. Владивосток. 1994. С. 131 -132.

10. *ГАХК.* Ф.668. Оп.1, Д. 12. С. 114, 131, 141, 217-222. Д.21. С.75.

11. *Красное знамя.* 1925. 8 февраля, 1 марта.

12. *ГАХК.* Ф.668. Оп.1. Д. 13. С. 119 об.

13. *ГАХК.* Ф.668. Оп.1. Д.6. С.9-34.

14. *ГАХК.* Ф.668. Оп.1. Д.8а. С. 178,236.

15. *ГАХК.* Ф.668. Оп.1. Д. 13. С.84, 88.

16. *ГАХК.* Ф.668. Оп.1. Д.13. С.84, 108. 106.

17. *ГАХК.* Ф.668. Оп.1. Д.3. С 184.

18. *Новиков М.Н.* Из истории концессионных предприятий Москвы в период

19. *НЭПа* / М.Н. Новиков. – М., – 1997. – С. 18–19.

20. *ГАХК.* Ф.668. Оп.1. Д.3. С. 184.